

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 2, pp. 278–304, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-278-304
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 623.445.2; 903.22

«Шапки калмыцкие» в собрании Оружейной палаты Московского Кремля

Леонид Александрович Бобров¹, Сергей Павлович Орленко²

¹ Новосибирский государственный университет
 (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории
 гуманитарных исследований НГУ
 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Музеи Московского Кремля
 (Кремль, 103132 Москва, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-1219-8400. E-mail: orlenko@kremlin.museum.ru

Аннотация. *Введение.* В XVII в. Оружейная палата Московского Кремля (ОПМК) являлась крупнейшим хранилищем шлемов центральноазиатского образца («шапок калмыцких») в Европе. Введение материалов ОПМК в научный оборот является актуальной задачей. *Цель исследования* — выявить этапы формирования группы «шапки калмыцкие» в ОПМК, уточнить ее состав, особенности эксплуатации и хранения. *Результаты.* Установлено, что первые богато оформленные центральноазиатские шлемы начали поступать в ОПМК еще в первой половине XVII в. как дипломатические подарки монгольских и ойратских правителей. Во второй половине столетия в Москву стали целенаправленно свозиться шлемы южносибирского производства, полученные русскими властями от «кузнецких татар» (предков шорцев). Это были более простые наголовья, вероятно, аналогичные тем, что передавались «кузнецкими татарами» ойратам в качестве *алмана* (дани) и в обмен на скот. Наконец, третьим источником формирования рассматриваемой группы шлемов стали арсеналы русской знати. Во второй половине XVII в. в ОПМК хранились около 100 «шапок калмыцких». В ходе исследования не получило подтверждения распространенное мнение о тождественности «шапок калмыцких» и «шапок бумажных». Все сохранившиеся в собрании наголовья изучаемой серии представляют собой клепаные железные шлемы различных типов. В 60–70-х гг. XVII в. «шапки калмыцкие» дорабатывались московскими мастерами, которые снабжали их пластинчато-нашивными бармицами, подшлемниками, подбородочными лентами и плюмажами. Одновременно с этим в ОПМК было налажено производство пластинчато-нашивных куяков предположительно центральноазиатского образца. Начиная с 1664 г. русские придворные начинают массово

участвовать в военных смотрах и встречах иностранных дипломатов, будучи облаченными в куяки, «шапки калмыцкие», наручи и «калмыцкие зарукавья». *Выводы.* Повышенное внимание к ойратскому доспеху во второй половине 50–70-х гг. XVII в. было, вероятно, обусловлено не только ростом интереса московской знати к азиатской оружейной экзотике, но и началом активного участия калмыков в военных предприятиях Российского государства. Это дает основание предположить, что применение русскими придворными «шапок калмыцких» и куяков во время торжественных церемоний преследовало цель не только поразить зрителей, но и символически отобразить вовлечение воинственных и победоносных калмыков в политическую орбиту Московского царства.

Ключевые слова: Оружейная палата, ойраты, калмыки, джунгары, защитное вооружение, ойратские шлемы, «шапки калмыцкие»

Благодарность. Исследование проведено в рамках Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Бобров Л. А., Орленко С. П. «Шапки калмыцкие» в собрании Оружейной палаты Московского Кремля // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 278–304. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-278–304

UDC 623.445.2; 903.22

‘Kalmyk Caps’ of the Kremlin Armoury

Leonid A. Bobrov¹, Sergei P. Orlenko²

¹ Novosibirsk State University

(1, Pirogov St., Novosibirsk 630090, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate, Humanities Research Laboratory; Associate Professor

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Moscow Kremlin Museums

(Kremlin, Moscow 103132, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-1219-8400. E-mail: orlenko@kremlin.museum.ru

Abstract. Introduction. In the 17th century, the Kremlin Armoury (Moscow) stored the biggest collection of Central Asian helmets (‘Kalmyk caps’, Rus. *shapka*) in Europe. Introduction of the materials into scientific discourse remains a priority task. *Goals.* The paper seeks to identify stages in the formation of the ‘Kalmyk Caps’ Collection, describe the items in detail, and specify the actual conditions of their storage and maintenance in the museum. *Results.* The first richly decorated Central Asian helmets are reported to have arrived in the Kremlin Armoury since the early 17th century as diplomatic gifts from Mongol and Oirat rulers. In the mid-17th century, the collection grew through acquisitions of helmets made in Southern Siberia and received by Russian authorities from Kuznetsk Tatars (historical ancestors of the Shors). The latter headgears were simpler and seem to resemble those delivered by Kuznetsk Tatars to Oirat warriors as *alman* (tribute) and in exchange for cattle. Armories of the Russian nobility proved the third and final source of the collection. As a result, in the late 17th century the Kremlin Armoury contained about 100 ‘Kalmyk *shapkas*’. The study shows the common opinion characterizing ‘Kalmyk caps’ as identical to ‘*shapka bumazhnaya*’ (cotton-wool helmets) is actually wrong. All the headgears constituting the collection are riveted iron helmets of different types. Moscow masters would modify ‘Kalmyk *shapkas*’ in the 1660-1670s through attaching plated aventails, arming caps, chinstraps, and plumes. At the same time, the Kremlin Armoury started producing plated *kuyaks* (body armors) that supposedly imitated Central Asian

samples. From 1664 onwards, the Russian noblemen actively participated in military parades and diplomatic meetings wearing *kuyaks* and Kalmyk *shapkas*, vambraces and Kalmyk-style *zarukavie* (hand and arm protective gears). *Conclusions.* Particular attention to this type of Oirat armor in the late 1650-70s seems to have arisen not only from vivid interest of the Moscow nobility towards exotic Asian armory but rather due to active participation of the Kalmyks in Russian military campaigns. So, the fact the Russian nobility tended to wear Kalmyk *shapkas* and *kuyaks* during ceremonies or special events meant not only their desire to impress other attendees but was also to deliver the message — militant and victorious Kalmyks are now in the political orbit of the Tsardom of Muscovy.

Keywords: Kremlin Armoury, Oirats, Kalmyks, Dzungars, armor, Oirat helmets, Kalmyk caps

Acknowledgments: The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project no. FSUS-2020-0021.

For citation: Bobrov L. A., Orlenko S. P. 'Kalmyk Caps' of the Kremlin Armoury. *Oriental Studies*. 2020; Vol. 13(2): 286–312 (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-286-312.

Введение

Одним из важных направлений изучения ойратского военно-культурного наследия является выявление, систематизация и всесторонний анализ предметов защитного и наступательного вооружения волжских и «чакарских» калмыков, джунгар, хошутов Кукуновской равнины из отечественных и зарубежных музейных и частных собраний. Особое значение в данной связи имеют ойратские, монгольские и южносибирские шлемы, хранящиеся в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (далее — ОПМК)¹ и названные царскими чиновниками «шапками калмыцкими» [Древности 1865; Опись 1884: 35–39, 54].²

Их высокая научная ценность обусловлена не только хорошей сохранностью, но

и тем фактом, что в русской служебной документации XVII в. часто содержатся сведения о времени поступления и (или) начальных этапах хранения указанных наголовий в различных учреждениях Российского государства [Бобров, Орленко 2017: 128, 134]. Таким образом, «шапки калмыцкие» из собрания Оружейной палаты представляют собой своеобразный эталон при датировке и атрибуции шлемов, происходящих из числа случайных находок и археологических памятников Поволжья, Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени. Введение подобных эталонных образцов в научный оборот представляет собой актуальную научную задачу.

Целью настоящей статьи является выявление основных этапов формирования группы «шапки калмыцкие» в собрании Оружейной палаты, уточнение состава шлемов серии, некоторых особенностей их эксплуатации и хранения на протяжении XVII–XX вв. Ранее данный вопрос еще не становился объектом специального научного исследования.

Материалы и методы

Методологическим базисом современных оружейведческих работ являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы. В рам-

¹ В настоящее время Оружейная палата организационно входит в состав Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль», государственного музейного учреждения «Музеи Московского Кремля» (далее — ММК).

² В русском языке середины XVI–XVII в. термин «шапка» в сфере защитного вооружения имел два основных значения. В широком смысле он мог использоваться в качестве синонима боевого наголовья вообще (включая металлические шлемы — «шапки железные и медные», а также наголовья из органических материалов — «шапка бумажная»). В узком значении под «шапками» («шапками железными») понимались низкие шлемы преимущественно сфероконической и полусферической формы [Историческое описание 2008: 29; Шиндлер 2016: 177–181; Шиндлер 2018: 167–169, 171–173, 178].

ках применения системного подхода к изучаемому материалу отдельные предметы и их комплексы исследуются как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения диффузионизма (заимствование, перенос, смешение) и эволюционизма (изменчивость и наследственность). Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах изучения и интерпретации материалов в оружейведческих работах традиционно применяются классификационный, морфологический, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции используется комплексный подход, основанный на сопоставлении вещественных, письменных и изобразительных источников [Bobrov, Obraztsov, Salnikov 2019: 7, 8].

История изучения «шапок калмыцких» в собрании Оружейной палаты

Необычная форма некоторых ойратских шлемов привлекла внимание российских художников еще в первой половине XIX в. Так, в частности, изображения «шапок калмыцких» и их фрагментов были помещены на иллюстрации фундаментального издания «Древности Российского Государства» (рис. 1), первого тома «Исторического описания одежды и вооружения российских войск», вышедшего в 1841 г. (рис. 2), а также монографии А. Ф. Вельмана «Московская Оружейная палата» (рис. 3) [Древности 1853 [Альбом]: рис. 27; Вельман 1844: рис. после с. 82; LaRossa, 2006: 88; Историческое описание 2008: рис. 053; Броня 2015: 30, 31].

Во второе издание последней книги соответствующий рисунок уже не вошел. Однако А. Ф. Вельман включил в текст свои размышления относительно «куяшных шлемов» и «шапок калмыцких»: «По описи вре-

мен царя Михаила Федоровича, все куюки³ с куюшными шлемами (здесь и далее курсив наш. — Л. Б., С. О.) присылались в дар от Алтын царя и Тунгусских владетелей. По описи 1687 года их было очень много, и упоминается, что все они деланы по кафтанному» [Вельман 1860: 214]. В сноске к данному абзацу исследователь фактически поставил знак равенства между упомянутыми «куяшными шлемами» и «Шапками монгольская, или калмыцкая» [Вельман 1860: 214].

С легкой руки А. Ф. Вельмана, ошибочное соотнесение «шапок калмыцких» с «куяшными шлемами» (а затем и «шапками бумажными») вошло в российскую историографию. Подобная атрибуция продолжала воспроизводиться исследователями вплоть до недавнего времени.⁴

Отметим, что при изображении «шапок калмыцких» художники первой половины XIX в. старались передавать их максимально точно, хотя в некоторых случаях и допускали определенные условности. Так, например, иллюстратор «Исторического

³ Куюк — в русском языке XVII в. данный термин имел два основных значения. В широком смысле под ним понимали любой пластинчатый доспех (за исключением кольчато-пластинчатых, а также зеркальных доспехов, составленных из больших округлых, трапециевидных, прямоугольных и вырезных пластин, соединенных кожаными ремнями). В узком смысле под «куюком» подразумевали пластинчато-нашивной доспех с внутренним бронированием, т. е. аналог европейской «бригандины». В XVII в. пластинчато-нашивные «куюки» были в целом не характерны для комплекса защитного вооружения народов Восточной Европы, но имели широчайшее распространение среди воинов Центральной Азии и Южной Сибири, в том числе среди ойратов (джунгар, калмыков).

⁴ Как будет показано ниже, сохранившиеся в ММК «шапки калмыцкие» представляют собой клепанные железные шлемы центральноазиатского образца. Наличие в описях XVII в. упоминаний об органических элементах «шапок калмыцких» (из шелка, сукна и т. д.) относятся не к самим шлемам (как часто полагают), а к пластинчато-нашивным бармицам и подшлемникам, крепившимся к тульям данных наголовий. Вопрос о том, входили ли «мягкие» шлемы из органических материалов («шапки бумажные») в состав группы «шапки калмыцкие» XVII в., требует отдельного изучения.

Рис. 1. Изображение «Шапки колмыцкой большой» (справаверху, нижний ряд).

Рисунок Ф. Г. Солнцева «Шишаки: Медный, Монгольской и Мисюрка»
для книги «Древности Российского Государства», 1853 г.

[Fig. 1. 'Big Kalmyk cap' (top right, bottom row). Drawing by F. Solntsev titled 'Shishaks (Helmets):
Copper, Mongolian, and Misyurka-Type Ones'. In: *Antiquities of the Tsardom of Russia*, 1853]

Составлял Чориков

Рисовал на камне Фридриц

Рис. 2. Русский воин в «шапке калмыцкой» (справа). Рисунок из первого тома «Исторического описания одежды и вооружения российских войск», 1841 г.

[Fig. 2. Russian warrior wearing a 'Kalmyk cap' (right). Drawing.
In: *Garments and Weapons of Russian Troops: Historical Description*. Vol. 1, 1841]

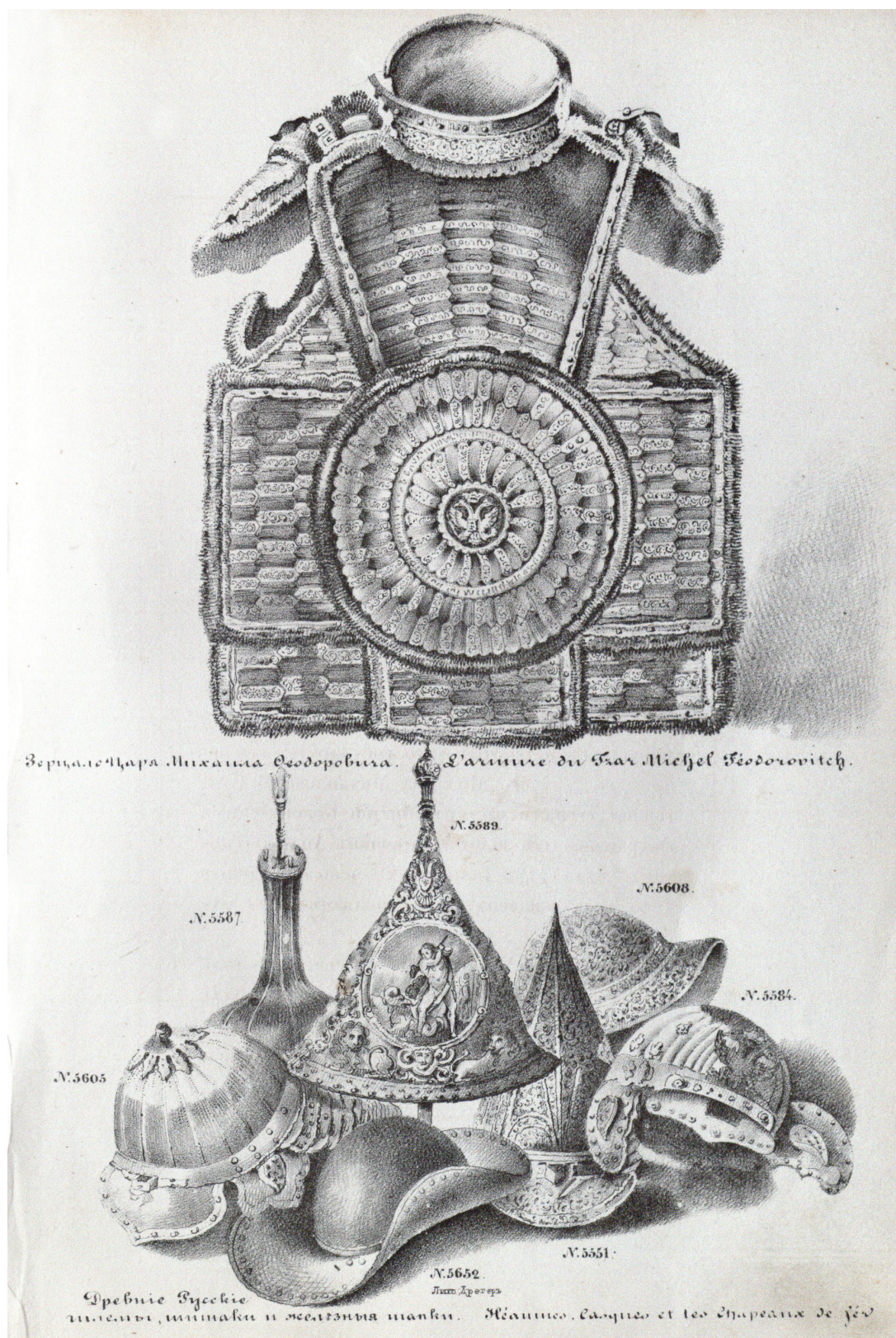

Рис. 3. Изображение «шапки калмыцкой» № 5587 (слева внизу) на рисунке из книги А. Ф. Вельтмана «Московская Оружейная палата», 1844 г.

[Fig. 3. 'Kalmyk cap' no. 5587 (bottom left). Drawing.
In: *The Kremlin Armoury (Moscow)* by A. F. Veltman, 1844]

описания одежды и вооружения российских войск» надел ойратский шлем XVII в.⁵ на русского воина, облаченного в стеганный *тегилай*⁶ XVI в. и снабдил наголовье ярусным луковичным навершием, которое отсутствовало на оригинальной «шапке калмыцкой» (рис. 2).

Во второй половине XIX в. Л. П. Яковлев систематизировал документы Оружейной палаты и предложил свою атрибуцию рассматриваемых в настоящей статье наголовий. Так, в частности, он датировал шлемы сфероцилиндрической формы XVI в., а их сфероконические и полусферические аналоги («шишаки калмыцкие») — XVII в. [Опись 1884: 36–39].

Текст Л. П. Яковлева был проиллюстрирован черно-белыми фотографиями двух центральноазиатских шлемов ОР-2058 (4418) и ОР-2059 (4419) [Рисунки 1884: табл., 342, 1, 343, 2]. По мнению исследователя, сфероцилиндрические шлемы из собрания были близки шлемам воинов Цинской империи XIX в.: «Эти шапки, названные, согласно со старыми описями, Калмыцкими, близко подходят видом и очертанием своим к шапкам китайского войска новейшего времени» [Опись 1884: 37].

Спустя почти столетие, в 1979 г., М. В. Горелик использовал шлем «вычурной формы» (ОР-2059) из Оружейной палаты для реконструкции внешнего облика монгольского воина XVII в. [Горелик 1979: 97, рис. 4, 99].

Первая научная публикация «шапок калмыцких» из собрания Оружейной палаты была осуществлена Л. А. Бобровым и Ю. С. Худяковым в 2003 г. В рамках формально-типологического анализа были выделены три типа шлемов, дано краткое описание особенностей их конструкции и

системы оформления, приведены основные размеры. Наряду со сфероконическими и полусферическими, был введен и обоснован новый тип клепаных наголовий центральноазиатского образца — «сфероцилиндрические шлемы» [Бобров, Худяков 2003: 142–145, 151, табл. 1, рис. 6, 10, 11, с. 152, табл. 2, рис. 1–3; 153, табл. 3, рис. 1, 3].⁷

«Шапки калмыцкие» были атрибутированы как монгольские (ойратские, джунгарские) шлемы и датированы XVI–XVII вв. [Бобров, Худяков 2003: 145, 155]. Комплексный анализ источников позволил реконструировать возможный покрой и структуру бронирования бармиц⁸, а также особенности ношения и украшения указанных шлемов [Бобров, Худяков 2003: 145–148, 154, табл. 4, рис. 1].

В монографии 2008 г., посвященной вооружению и тактике кочевников Центральной Азии и Южной Сибири, Л. А. Бобров и Ю. С. Худяков вновь вернулись к шлемам из Оружейной палаты. Прежнее описание было расширено, а количество прорисовок проекций шлемов увеличено до четырех. Наголовья были атрибутированы как ойратские шлемы и датированы концом XVI–XVII вв. [Бобров, Худяков 2008: 427–430, 435–438, 440–444, 456, 460, 461].

Таким образом, «шапки калмыцкие» из собрания Музеев Московского Кремля неоднократно привлекали внимание отечественных исследователей. Однако процесс

⁵ Точный аналог изображенного шлема в ММК отсутствует. Судя по конструкции тульи, расположению заклепок и треугольной форме козырька, художник мог вдохновляться образами «шапок калмыцких» ОР-4646, ОР-4625, ОР-4627.

⁶ Тегилэй (от монг. *тэгэл* ‘шитье, стежка’) — разновидность «мягкого» стеганого доспеха [Бобров, Худяков 2008: 411]. В русских письменных источниках XVI в. упоминаются обычные, «толстые» и «тонкие» тегилэи. Стеганные доспехи знати и состоятельных воинов могли покрываться камкой, атласом, бархатом и др.

⁷ Наряду с указанным термином, применяемым в рамках формально-типологической классификации, авторы предложили и другие (условные) названия рассматриваемого типа наголовий: «кувшинообразные», «вазообразные» шлемы [Бобров, Худяков 2003: 144, 145].

⁸ Бармица — крепящийся к шлему или мисюрке эластичный защитный элемент (или система защитных элементов) гетерогенной (пластинчатой, кольчатой, комбинированной) или гомогенной (из мягких органических материалов) системы бронирования, предназначенный для защиты шеи, ушей, а в некоторых случаях также лица воина. Эластичность (в данном случае — способность к изгибу, сжатию/растяжению) отличает бармицы от другого вида защиты ушей, затылка, шеи и лица, представленной твердыми/негнушимися (как правило, гомогенными) нащечниками, наушниками, назатыльниками и др.

формирования шлемов серии в Оружейной палате, а также особенности их эксплуатации в XVII в. и хранения в XVIII–XX вв. еще не были изучены.

Формирование группы «шапок калмыцких» в собрании Оружейной палаты Московского Кремля

Первые шлемы центральноазиатского и южносибирского производства, которые впоследствии стали именоваться в описях «шапками (шишаками) калмыцкими», начали поступать в Оружейную палату еще в первой половине XVII в. Катализатором данного процесса стало установление дипломатических отношений Русского государства с державой монголов-хотогойтов и различными ойратскими военно-политическими группировками, продвигавшимися из степей Центральной Азии в южные районы Западной Сибири и Поволжье.

В первой половине XVII в. основная часть шлемов рассматриваемой серии представляла собой дипломатические подарки светских и духовных феодалов Центральной Азии, которые традиционно определялись московскими чиновниками как «дань» [Бобров, Орленко 2017: 128–130; Bobrov et al. 2017: 1148–1151].

Так 2 ноября 1636 г. в сокровищницу Казенного двора (а оттуда в Оружейную палату) был передан украшенный позолотой и серебрением шлем ойратского или монгольского производства. В качестве дарителя выступил духовный наставник хотогойтского *хунтайджи* лама Эрдэни Дай мэргэн Нансо [Бобров, Орленко 2017: 129, 133, 134].

В начале февраля 1637 г. тот же лама преподнес русскому царю другой роскошный шлем («шишак золочен»), изготовленный мастерами чжурчжэньского (маньчжурского) государства Хоу Цзинь (1616–1636) [Bobrov et al. 2017: 1148–1151, 1164–1167].

В том же году в Москву среди прочих подарков отправился и шлем Дайчин-нойона (брата хотогойтского *хунтайджи*): «... шапочка железная Калмыцкая гладкая здолами наверху трубочка, у шапки наушники дощатые железные пробиваны гвоздем, подложены ирхою покрыты камкою, цена 25 алтын»; «Шапка железная колмыцкая з долы наверху трубка... 25 алтын. А по осмотру у той шапки уши и затылок набито

железом (зачеркнуто) досками железными по камке цветной»; «Шелом желобчат распаялся, стороны и зад прикрыты доски отласом травы розных цветов. Цена двадцать пять алтын. Прислал ко государю дани Алтына царя брат Даинчи Наян во 146 [1637/1638 — прим. авт. — Л. Б., С. О.] году» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3226 (Роспись знаменам и оружию царя Михаила Федоровича). Л. 5; Опись 1884: 39; Опись 2014: 105; Савваитов 1865: 62; Bobrov et al. 2017: 1149] и т. д.⁹

В «Росписи государевой оружейной казны», датированной 1647 г., помимо прочих образцов защитного вооружения, упомянуты «... 5 шапок немецких и калмыцких. Одна чеканная, а другая мерекляная золочены, а третья клинчатая, а четвертая граненая, пятая гладкая» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3593 (Роспись государевой оружейной казны). Л. 23].

Часть «шапок калмыцких», поступавших в Москву в первой половине XVII в., могла посылаться для хранения в монастырские арсеналы. В одной из описей царской оружейной казны 40-х гг. XVII в. отмечается, что «двенадцать шапок железных калмыцких» вместе с другой «разной збруей» были переправлены «в Чюдов монастырь» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3226 (Роспись знаменам и оружию царя Михаила Федоровича). Л. 26].

Во второй половине XVII в. ойратские и монгольские правители продолжили слать в Москву шлемы и другие предметы защитного вооружения. В 1666 г. хошутский Аблай-тайша передал в дар русскому самодержцу панцирный комплекс, включавший в себя «куяк, покрытый желтым бархатом, да наручи оправлены серебром, да *шелом*» [Материалы 1996: 126].

В 1668 г. от хошутского Цаган-тайши и его родственников, в числе прочих подар-

⁹ Как видно из описания, шлем, присланный Дайчин-нойоном, относился к категории клепанных, его поверхность была украшена чеканенными (?) желобками, а к нижней части наголовья крепилась трехчастная пластинчатая-нашивная бармица, крытая атласной тканью с растительным орнаментом, выполненным из разноцветных нитей. Уже к 1640 г. составляющие купол шлема пластины разошлись, что, вероятно, повлияло на невысокую стоимость его оценки.

ков, были присланы: «...куяк и наручи, и шелом...»; «куяк, бит на черном бархате, гвоздь железный, да шелом без наушников, по нем травы навожены сусальным золотом, наручи железные, цена 10 рублей» [Материалы 1996: 196, 476].¹⁰

Однако наряду с традиционными дипломатическими подарками в середине XVII в. возрастает роль еще одного источника массового поступления «шапок калмыцких» в Москву. Этим источником становится арсенал Кузнецкого острога, в который передавались железные наголовья, полученные в качестве ясака у местного сибирского населения — «кузнецких татар». Интересно, что инициатива по присылке этих шлемов в столицу принадлежала центральным властям.

В отписке, датированной 1655 г., воевода Ф. Е. Баскаков ссылается на царский указ «...посылать ис Кузнецкого острогу к тебе государю... к Москве шапки железные, которые шапки емлютца в твой государев ясак» [Токарев 1936: 122; Бобров, Худяков 2008: 463, 464]. Из материалов отписки следует, что в столицу отправлялись не только шлемы, но и панцирные пластины («шапочные полицы»), а также заклепки («гвоздь железный»), с помощью которых пластины крепились к органической основе бармиц. Так, например, в том же 1655 г. в Москву были посланы 13 железных наголовий без подшлемников, 260 пластин для бармиц и 390 заклепок: «И в нынешнем, государь, во 163-м [1655 — прим. авт. — Л. Б., С. О.] году августа в 9 день послал я, холоп твой, к тебе, к государю, к Москве, тринадцать шапок железных простых, на сукна не набиваны, да двести шездесят шапочных полиц, да триста девяносто гвоздь железных, чем набивать на ушки шапочные полицы, и те твои государевы шапки посланы к тебе, ко государю, к Москве, осыпаны овсяною мукою, за твоею государевою кузнецкою печатью» [Токарев 1936: 122; Бобров, Худяков 2008: 463, 464; Martyushov, Shirin 2018: 918].

¹⁰ В другом документе указанный шлем назван не «шеломом», а «шишаком». В пометке к документу о приеме ойратского вооружения сообщалось: «Послать память к гостю Оставью Филатьеву с товарищи, велеть калмыцкие подарки оценить и по ценовной в приход записать, а куюк и наручи и *шишак* держать в казне до указу» [Материалы 1996: 196].

Данная посылка, вероятно, не была единственной, так как уже в 60-х гг. XVII в. в Оружейной палате хранились многие десятки «шапок калмыцких», которые использовались в ходе различных придворных церемоний, смотров, торжественных встреч иностранных послов и т. д. Так, например, в феврале 1664 г. при подготовке царского смотра войск на Девичьем поле: «Приказа ствольного дела кузнецы Левка Митрофанов с товарищи 13 чел... два дня по 8 денег на день чистили 91 шапку калмыцкую которая были на государском смотре на конюхах» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8893 (О даче Оружейной палаты разных дел мастеровым людям и их ученикам государева жалования). Л. 143].

Накануне смотра в конюшенный приказ были переданы 23, а «сокольникам» еще 57 «шапок калмыцких» с суконными подшлемниками, «прапорами» и «прапорцами¹¹», цветными атласными «лопастями» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8901 (Роспись оружия и знамен, выданных из Оружейной палаты для государева смотра 1664 г. и встречи посла). Л. 14–16].

В ноябре 1671 г. в Оружейную верхнюю палату из Сибирского Приказа были присланы еще «...Десять шишаков худых калмыцких и шолом железный калмыцкий с наушками» [Опись 1884: 39]. В ноябре 1673 г. в тексте «Памяти», адресованной в Приказ Большого Дворца, упоминаются «пятьдесят колодак гвоздей», т. е. заклепок, которые должны были пойти «на наушки» бармиц «100 шапок калмыцких» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14792 (Память о взятии из приказа

¹¹ «Прапор» («прапорец», «прапорчик») — разновидность шлемового плюмажа, представлявшая собой матерчатый флажок (обычно треугольной, прямоугольной или подпрямоугольной формы). Судя по материалам русской служебной документации, «прапорцы» к «шапкам калмыцким» могли изготавливаться из цветного шелка и тафты. Так, например, в 1664 г. упоминаются «прапорцы» из «сученово желтого шолку», расписанные золотой краской. Флажок «насаживался» на проволочный шпиль, который вставлялся во втулку на навершии шлема. Не исключено, что в некоторых случаях под «прапором» могла пониматься и кисть из цветных лент — разновидность традиционного ойратского плюмажа «улан зала».

Большого дворца гвоздей к 100 шапкам калмыцким). Л. 1].

В описи 1687 г. упомянуты: «*Восемьдесят шесть шишаков колмыцких*, сшивных, наушники белого железа обложены сверху бархатом червчатым и зеленым и черным, в том числе один шишак целной кованой задка и наушника и трубки нет, цена по десяти алтын» [Опись 1884: 38]. В другом документе содержатся сведения об оплате работ мастеровых людей, изготовивших «из тафты алые... *ко сту шапкам железным калмыцким прапорцы...*» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13532 (Денежные выписки об уплате за товары и мастеровым людям. В Оружейной палате). Л. 112].

Данные материалы позволяют предположить, что во второй половине XVII в. в Оружейной палате хранились многие десятки (в некоторые периоды, вероятно, более сотни) «шапок калмыцких». Таким образом, они представляли собой одну из самых многочисленных категорий шлемов, находившихся на тот момент в этом царском хранилище. Большая часть «шапок калмыцких» была привезена в Москву из Центральной Азии, Сибири и, возможно, из других регионов.¹² Если происхождение многих наголовий из числа дипломатических подарков монгольской и ойратской аристократии достаточно прозрачно, то на шлемах, доставленных в столицу из Кузнецка, необходимо остановиться более подробно.

Начало формированию запасов защитного вооружения центральноазиатского и южносибирского образца в Кузнецком остроге было положено еще в первой трети XVII в. Сведения о том, что жители бассейна рек Кондомы и Мрассу¹³ занимаются добычей железной руды, массовым изготовлением железных доспехов и оружия, были получены российскими властями еще

¹² Не исключено, что в группу «шапки калмыцкие» в рассматриваемое время могли включать и шлемы, изготовленные за пределами ареала расселения монголоязычных кочевников (см. ниже).

¹³ Реки Кондома и Мрассу являются левыми притоками р. Томь. Протекают по территории Горной Шории — горно-таежного региона, расположенного в южной части современной Кемеровской области, на стыке Алтая, Кузнецкого Алатау и Саян.

в начале столетия. Так, в частности, князь зуштинцев Тоян сообщал в своей челобитной в 1603 г., что «... в Томской вершине живут 200 человек кузнецов, а делают доспехи и железца стрельные и котлы выковывают» [Обозрение столбцов 1900: 214; Ширин 2018: 25].

Дальнейшие контакты землепроходцев с местным населением (предками нынешних шорцев) подтвердили указанные сведения. Отмечая мастерство южносибирских оружейников в работе с металлом, русские служилые люди прозвали их «кузнецами», а их землю «Кузнецкой»¹⁴: «Кузнецы же словут, потому, что ясачные люди государские тамо живут по берегу Томи реки и иных тамошних рек трех Терсей, камней берут и жгут, плавят железо и куют вместо наковален на камни ж, а железо то кузнецкое и уклад велми добр, лутше свейского [т. е. шведского — прим. авт. — Л. Б., С. О.] железа и мяго железа, аки свинец. Соболями, железом в казну ясак платят» [Бобров, Худяков 2008: 343].

Главным экономическим и политическим партнером «кузнецких татар» (до появления русских) были кочевники Южной Сибири и Центральной Азии, которые охотно приобретали у них защитное и наступательное вооружение. Несмотря на то, что железоделательная промышленность шорцев в техническом отношении «была примитивна и носила домашний характер» [Потапов 1936: 122], в силу широкого распространения этого надомного промысла производственные возможности оружейников «Кузнецкой земли» в XVII в. были достаточно велики. По данным современников, они могли изготовить несколько тысяч куяков и шлемов [Потапов 1953: 125; Бобров, Худяков 2008: 348].¹⁵

Пришедшие в регион русские достаточно быстро выяснили, что насельники Мрассу и Кондомы: «...делают пансыри,

¹⁴ Кузнецкий уезд был образован в 1618–1622 гг. Он включал верховья р. Томь, бассейны рек Кондомы и Мрассу. Центром уезда был Кузнецкий острог (1618).

¹⁵ Практика выплавки железа и изготовления железных изделий сохранялась у местного населения и в первой половине XVIII в. [Vodyasov 2016: 335–344; Martyushov, Shirin 2018: 916, 919–926].

бехтерцы, *шеломы*, копы, рогатины и сабли и всякое железное, опричь пищалей¹⁶, и те пансыри, и бехтерцы продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы, а иные ясак дают колмацким людям железом же» [Потапов 1936: 122]. Таким образом, к моменту появления на землях шорцев русских «кузнецкие татары» уже активно сбывали свою оружейную продукцию ойратам («колмацким людям»), меняя ее на скот и уплачивая ею дань.

Узнав о том, что новые подданные Москвы поставляют оружие и доспехи номадам (представлявшим серьезную опасность для новых русских владений в Зауралье), сибирская администрация начала активно противодействовать подобным сделкам. Уже в 1622 г. в наказе Е. И. Басакакову было рекомендовано провести переговоры с «кузнецкими людьми» на тему прекращения поставок вооружения ойратам. Шорцам предлагалось давать ясак в царскую казну «соболями и всякую мягкую рухлядь, и *шеломами* и рогатинами, и саблями, кому чем мочно ясак государю давать; а калмацким бы людям отсюда ясаку давать не велеть, с калмыцкими людьми торговать им, опричь соболей, железом, *шеломами* и пансырями и рогатинами и саблями не велеть...» [Материалы 1959: 115–117; Бобров, Худяков 2008: 352].¹⁷

Однако возможности администрации Кузнецка повлиять на шорцев были весьма ограничены. Из трех тысяч «кузнецких людей» в 1622 г. русское подданство приняли

¹⁶ Т. е. «кроме пищалей».

¹⁷ В наказе Е. И. Басакакову называлась и другая причина введения эмбарго на продажу сибирского вооружения ойратам. По мнению центральных властей, сделки с «кузнецкими татарами» были единственным источником поступления оружия к кочевникам. Москва надеялась, что установление контроля над этой торговлей побудит как минимум часть ойратов принять российское подданство: «А только де в Кузнецком остроге будет служилых людей 200 человек, и теми людьми кузнецкие люди от колмацких людей оборонятся, ясак учнут имати на государя. Да и колмацкие де многие люди будут под государевую царскую высокою рукою, потому что колмацким людем, опричь Кузнецкие земли, ни-какова оружья купити, не добыть ни-где» [Материалы 1959: 116].

лишь около 200 человек, «которые живут близко острожку», что касается остальных мастеровых, то они «живут от Кузнецкого острогу далеко, и теми Кузнецкими людьми всеми владеют Колмацкие люди и ясак с них емлют соболями и железом всяким деланным» [Сборник 1879: 191, 192].

Другой причиной, мешавшей наложить запрет на поставку оружия ойратам, была позиция самих сибиряков. Отказ от торговли вооружением наносил тяжелейший удар по экономическому положению шорских семей, для которых подобные сделки были одним из важнейших источников дохода. Кроме того, «кузнецкие татары» прекрасно понимали, что если кочевники не получат необходимое оружие и доспехи в качестве дани или в ходе обменной торговли, то они возьмут его силой.¹⁸

Заблокировать шорско-ойратскую торговлю оружием в начале 20-х гг. XVII в. российским властям не удалось. Однако работа в данном направлении была продолжена. Уже в 1623 г. под мораторий на продажу оружия кочевникам была подведена законодательная база. В соответствующем царском указе накладывался недвусмысленный запрет на продажу ойратам: «Самопалов и сабель и рогатен и копий и топоров и ножей и сайдаков и стрел и иново никаково ружья и железа» [Бобров, Худяков 2008: 170]. Таким образом, уже в начале 20-х гг. XVII в. российское правительство сформулировало свою позицию в отношении шорско-ойратской торговли вооружением. Подобные сделки были объявлены незаконными, а в качестве компенсации «кузнецким татарам» предлагалось платить ясак в царскую казну не пушиной, а защитным вооружением (в том числе и шлемами) и холодным оружием. Этой схеме Москва продолжала (с некоторыми оговорками) следовать и в последующие десятилетия.

Следующий виток борьбы с шорско-ойратскими оружейными сделками пришелся на первую половину 40-х гг. XVII в. В этот период джунгарский правитель Эрдэни-Батур-хунтайджи готовился к очередной войне с казаками и нуждался в поставках оружия и доспехов. Российские

¹⁸ Что и произошло в 40-х гг. XVII в.

власти прекрасно осознавали, где джунгары попытаются раздобыть необходимое вооружение, поэтому в 1641 г. московское правительство в очередной раз обратилось к своим местным представителям, чтобы шорцы «куяков и шапок железных и копей и рогатин и никакой ратной сбруи и черным и белым калмыкам¹⁹ и киргиским и саянским людям не продавали и на лошади и на скотину не меняли» [Бобров, Худяков 2008: 352].

Однако на предложение русских отказать от продажи железа и железного вооружения джунгарам жители Мрассу и Кондомы вновь ответили отказом. Причем их представители подчеркнули важность отношений с Джунгарией для обеих сторон: «...им, ясачным людям, куюки и шапки железные и всякую ратную сбрую черным и белым [калмыкам] и киргиским и саянским людям продавать и на лошадей менять [необходимо], тем-де мы ясачные люди живем» [Потапов 1953: 125].

Русские служилые, посланные на Мрассу и Кондому в 1644 г., констатировали, что «ясачные люди кондомские и мрасские приготовили на продажу черным и белым колмаком *болиши дву тысяч куюков и шапок железных* против того ж...» [Токарев 1936: 122].²⁰ Тем не менее российские власти продолжали оказывать давление на «кузнецких татар», и, по всей видимости, им удалось добиться срыва части оружейных сделок. Однако, как и опасались шорцы, ойраты взяли недостающее силой. В 1644 г. князцы Итеберской волости (на р. Кондоме) жаловались кузнецкому воеводе: «А иные, государь, калмыцкие люди контайшина улуса

по Кондоме и по Мрассе... ясашных людей грабят, всякий живот и *всякое разное железо*» [Потапов 1953: 145]. В этом году, в числе других железных изделий, джунгары получили с жителей кондомских и мрасских волостей шлемы, куюки, копья и стрелы [Потапов 1953: 145; Martyushov, Shirin 2018: 918].²¹

Несмотря на указанные обстоятельства, представители кузнецкой администрации продолжали выполнять предписание 1622 г., согласно которому оружие и доспехи местного производства (в том числе «шапки железные») могли взиматься в «государеву казну» в качестве ясака. Часть этого вооружения поступала на продажу (а также, возможно, могла использоваться в ходе различных «государевых служб»)²², однако другая часть, как видно из отписки

²¹ Небезуспешные попытки изъятия у местного населения железного сырья, полуфабрикатов и готового вооружения предпринимались монгольскими и ойратскими правителями и позднее [Бобров, Худяков 2008: 339–356]. В 1657 г. хотогойтский *хунтайджи* Лоджан (Ловсан) потребовал: «...чтоб Кондомских волостей... государевы ясашные люди зделали ему, Лоджану, 1000 куюков, а на Мрасе б зделали 1000 ж куюков. А будет де ясашные люди на Кондоме и на Мрасе ему, Лоджану, дву тысяч куюков не зделают, и он де хочет послать своих людей войною на кондомских и на мрасских ясашных людей и велит и з женами и з детьми в полон имать» [Бобров, Худяков 2008: 348; Martyushov, Shirin 2018: 918]. В случае необходимости монголы и ойраты производили принудительное изъятие доспехов у местного населения. Тот же Лоджан «...будучи у киргиз, и у тубинцев, и у алтырцев, и у керетцев... аманаты их пограбил, лошади и рогатый скот и животы, и куюки и *ишиаки* поимал у всех без остатку» [Материалы 1996: 31]. В некоторых случаях местные сибирские кузнецы были вынуждены приезжать в ставки степных правителей для выполнения заказа на изготовление различных видов доспехов и оружия [Бобров, Худяков 2008: 355, 356; Martyushov, Shirin 2018: 919].

²² Невостребованная часть железных изделий, собранных с местного населения в качестве ясака, продолжала числиться на балансе и передавалась при смене воевод. Так, например, в остатке взятого ясака 1640 г. числились «шапка железная» и 21 железный таган [Martyushov, Shirin 2018: 919].

¹⁹ В российских письменных источниках первой половины XVII в. «черными калмыками» именовались ойраты (джунгары), «белыми калмыками» — телеуты. Упомянутые в документе «киргиские люди» — это енисейские кыргызы, игравшие важную роль в политической системе Южной Сибири рассматриваемого периода.

²⁰ Сообщивший в Москву о шорско-джунгарской оружейной торговле кузнецкий воевода А. И. Зубов с сожалением констатировал, что основную продукцию «кузнецкие татары» сбывают почти исключительно кочевникам, а «...в Кузнецкий, государь, острог твои государевы ясачные люди куюков и шапок железных и никакой ратной сбруи и черново железа продавать не приносят» [Martyushov, Shirin 2018: 918].

Ф. Е. Баскакова 1655 г., переправлялась непосредственно в столицу.²³

Периодические посылки шлемов и панцирей из Кузнецка в Москву продолжались на протяжении всего XVII в. Интересно, что в конце столетия в столицу были отправлены изделия уже не шорских, а джунгарских оружейников, проживавших в Кузнецке. Согласно показаниям кузнецких служилых людей Ф. Сорокина «с товарищи», в город «в прошлых де годах тому лет семь, приехали те мастера от Калмыцкого владельца Бушухтухана²⁴ 10 человек и доныне живут в Кузнецком, кормятся кузнешною работою...» [ДАИ 1867: 394]. Среди прочих изделий джунгары ковали шлемы, пластинчато-нашивные доспехи и наручи. Их качество, по всей видимости, было достаточно высоким, так как местный воевода Л. Д. Нарыков посчитал возможным отправить их в 1699 г. царю Петру I: «...прислал куяк и шлем и наручи, делают в Кузнецком Черные Калмыки Кобелечка Басуев, Устачка Талаев с товарищи» [ДАИ 1867: 394].²⁵ В эти же годы в Кузнецке были отмечены покупки кольчатого (?) панциря и куяка [Martyushov, Shirin 2018: 919].

Своеобразным «перевалочным пунктом» при пересылке защитного вооружения из Сибири и Центральной Азии в Москву выступали хранилища Сибирско-

го приказа. Здесь концентрировались как дорогие и богато оформленные наголовья ойратской знати, так и простые шлемы южносибирского производства из зауральских арсеналов. По специальному распоряжению властей скопившиеся в Сибирском приказе доспехи передавались в Оружейный приказ. Так, например, в ноябре 1671 г. во исполнение указа Государя в Оружейную верхнюю палату из Сибирского Приказа были приняты различные доспехи, в том числе упомянутый выше шлем из подарков Цаган-тайши 1668 г. («шлем железный без наушек по нем травы проложены сусальным золотом»), а вместе с ним еще 14 других наголовий, цена которых колебалась от 60 алтын до 3 рублей: «Две шапки железные по два рубли. Семь шапок железных с полицами и з гвоздем²⁶ — шестьдесят алтын. Шишак железной — три рубли. Три шишака железных по рублю... Да наручи железные, да шапка железные калмыцкие без цены» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15770 (Об отпуске из Сибирского приказа в ОП панцирей за деньги). Л. 1–3].

Еще одним источником пополнения «шапок калмыцких» в собрании Оружейной палаты были арсеналы русской аристократии. В 1661 г. скончался боярин Василий Иванович Стрешнев — заметная фигура при русском дворе, родственник царицы Евдокии Стрешневой, приближенный царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, возглавлявший в 30-х гг. XVII в. Оружейную палату. После смерти боярина часть его «ратной сбруи» была взята в государеву оружейную казну — в Оружейную палату. В документе-рописи, предположительно датированной сентябрем 1662 г., среди различных предметов защитного и наступательного вооружения присутствует «Шапка калмыцкая з долами, верх и венец золочен. Вверху и в венце 16 гвоздей резных. Цена 2 рубли» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8192 (Роспись ратной сбруе, которая взята в казну после боярина Василья Ивановича Стрешнева). Л. 2]. Откуда шлем попал в имущество вельможи, к сожалению, установить не удалось.

Таким образом, процесс формирования многочисленной группы «шапки калмыц-

²³ Первые партии «шапок железных» могли быть отправлены из Кузнецка в Москву еще в 20-х гг. XVII в. Во всяком случае они упоминаются в грамотах 1626 г., адресованных князю А. А. Хованскому и князю Д. Т. Трубецкому. В указанных документах вводится запрет переправлять взятое в качестве ясака железо в Москву, так как из-за сложностей логистики стоимость металла сильно возрастала. При этом, между делом, упоминалось, что из Кузнецка присылались некие «шапки железные и иное всякое железо» [Обозрение столбцов 1900: 232]. Однако являлись ли эти «шапки» ясаком, взятым у местного населения, военными трофеями, или были приобретены у кочевников Южной Сибири, достоверно не установлено.

²⁴ Т. е. правителя Джунгарии — Галдана Бошокту-хана (1671–1697).

²⁵ Сменивший Галдана Бошокту-хана новый джунгарский *хунтайджи* Цеван-Рабдан (1697–1727) в 1699 г. добился от российских властей, чтобы те отпустили оружейников в Джунгарию [ДАИ 1867: 394].

²⁶ Т. е. с пластинами бармицы и заклепками для их крепления к органической основе.

кие» в Оружейной палате Московского Кремля в XVII в. имел комплексный характер. Часть этих шлемов представляла собой дипломатические подарки ойратских и монгольских правителей. Некоторые наголовья данной категории относились к комплексу вооружения высшей центральноазиатской знати и отличались богатым оформлением. Вторая группа «шапок калмыцких» представляла собой шлемы южносибирского производства, полученные местными русскими властями от «кузнецких татар» в качестве ясака, а также, возможно, специально выкупленные у оседлого и кочевого населения Зауралья или захваченные в качестве трофеев. Эти шлемы представляли собой более простые боевые наголовья, по всей видимости, аналогичные тем, что массово передавались «кузнецкими татарами» ойратским воинам в качестве *алмана* (дани)²⁷ и в обмен на скот (см. выше). Обе группы «шапок калмыцких» в настоящее время присутствуют в фондах ММК [Бобров, Худяков 2008: 427–430, 432, 435–438, 440–444, 456, 458, 461; Бобров, Орленко, 2017: 127–135]. Наконец, третья группа наголовий представляла собой шлемы, поступившие в Оружейную палату из собраний российской аристократии.

Состав группы «шапки калмыцкие» в собрании Музеев Московского Кремля

На основании особенностей происхождения все условно «калмыцкие» наголовья, хранящиеся в настоящее время в ММК, можно разделить на три основные группы.

К первой группе относятся шлемы, которые уверенно атрибутируются как изделия ойратских или южносибирских мастеров (ОР-2059, ОР-4624, ОР-46-25, ОР-4626, ОР-4627, ОР-4645, ОР-4646, ОР-4647, ОР-4648, ОР-4649).

В состав второй группы входят центральноазиатские наголовья, которые могли быть выкованы как ойратскими, так и монгольскими оружейниками. К их числу относится, например, богато оформленный шлем, поступивший в качестве подарка русскому царю от ламы Эрдэни Дай мэргэн Нансо в 1636 г. (ОР-2058) [Бобров, Орленко 2017: 127–135].

Наконец, третья группа представлена

²⁷ От монг. *албан*. Данный вариант написания термина используется в работе Л. П. Потапова [Потапов 1953: 142–145].

наголовьями, которые, хотя и были атрибутированы в прошлом как «калмыцкие», в реальности представляют собой изделия мастеров, проживавших за пределами Центральной Азии, Южной Сибири и Северного Прикаспия. В качестве примера можно привести знаменитую «мисюрку калмыцкую» из коллекции князей Голицыных, которая была передана в Оружейную палату в 1831 г.: «Эта мисюрка находится в книге описного имени Князей Голицыных, где записана под № 4 так: „Мисюрка калмыцкая стальная на ней обручик да восемь полосок серебрены, наверхие репей серебряной золоченой да колечко, бармица кольчужная, цена сорок алтын“. Поступила в Московскую Оружейную палату в 1831 году с Московского Колымажного двора, вместе с двумя другими присланными при отношении Надзирателя Лосева от 29 июля 1831 года за № 396 под именем шеломов кольчужных» [Опись 1884: 53].

Исследовавший наголовье Л. П. Яковлев определил его как «мисюрка калмыцкая XVII века». По его мнению, она «... принадлежала боярину и воеводе Князю В. В. Голицыну²⁸. Череп железный, на нем выбито восемь выпуклых путиков²⁹, делящих череп на восемь равных частей; на маковке скважина, сквозь которую проходил пробой с кольцом, прикреплявший наверхие; венец железный плоский, накладной, прикреплен к черепу гвоздями частью медными, частью железными; верхняя часть венца вырезана шестнадцатью городками, из которых прилегающие к путикам длиннее промежуточных и оканчиваются раздвоенными листками; на нижнем крае сделаны две выемки для глаз; бармица кольчужная, кольцо большое круглое. Мисюрка поржавела, помята и в некоторых местах пробита насквозь; весу в ней девять фунтов, двадцать один золотник» [Опись 1884: 52, 53]. Указанный шлем, ошибочно атрибутированный в XIX в. как «мисюрка», имеет достаточно большое количество аналогов, хранящихся в россий-

²⁸ В. В. Голицын (1643–1714) — князь, боярин, дипломат, государственный деятель. Во времена регентства царевны Софьи Алексеевны (1682–1689) — фактический глава российского правительства. Командующий войсками в походах на Крым в 1687 и 1689 гг.

²⁹ Путики — здесь: выпуклые ребра, покрывающие поверхность тульи шлема.

ских и зарубежных музейных собраниях [Горелик 1983: 263–266; Горелик 1987: 190, рис. 11, 10–12, 192; Горелик 2002: 28, 75, рис. 24–27; Tsurtsumia 2011: 79–103].

На основании особенностей конструкции и оформления он может быть датирован серединой XIV–XV вв. Наиболее вероятно, что он был выкован мастерами Кавказа или Северного Ирана. Открытым остается вопрос о том, почему наголовье было первоначально определено, как «калмыцкое». М. В. Горелик предположил, что оно могло попасть «... к своему хозяину с Нижней Волги — Подонья» [Горелик 1983: 266]. Данная версия представляется весьма вероятной. В то же время нельзя полностью исключать, что украшенный позолотой и серебрением шлем мог использоваться на протяжении жизни нескольких поколений кочевников, неоднократно менял хозяев и, действительно, попал к князю В. В. Голицыну от калмыков. Тем не менее считать его изделием ойратских оружейников нет никаких оснований.

По материалу изготовления все «шапки калмыцкие», входящие в состав первой и второй групп, относятся к классу железных, по конструкции тульи — к отделу клепаных. На основании формы купола выделяются четыре типа наголовий: цилиндрические (1 экз., ОР-2058), сфероцилиндрические (2 экз., ОР-2059, ОР-4645), сфероконические и полусферические (9 экз., ОР-4624–ОР-4627, ОР-4646–ОР-4649). Три шлема снабжены «коробчатыми» (ОР-2058, ОР-2059, ОР-4645), а восемь — простыми козырьками. На пяти «шапках калмыцких» сохранились трубки-втулки для плюмажа. Два наголовья украшены буддийской символикой (ОР-2058, ОР-2059).

Анализ конструкции и системы оформления наголовий позволяет сделать вывод, что шлемы ОР-4624–ОР-4627, ОР-4646–ОР-4649 и, возможно, ОР-2059, ОР-4645 могли быть изготовлены в одном оружейном центре. Наиболее вероятно, что они были выкованы ойратскими или южносибирскими мастерами. К сожалению, оригинальные бармицы «шапок калмыцких» не сохранились (см. ниже), однако их конструкция и покрой могут быть реконструированы на основании анализа письменных источников, а также подлинных образцов ойратских

бармиц из других музейных собраний [Бобров, Худяков 2008: 463–469].

В настоящее время авторами данной статьи проводится работа по введению «шапок калмыцких» из собрания ММК в научный оборот. Так, в частности, уже опубликован шлем ойратского или монгольского производства из числа подарков духовного наставника хотогойтского *хунтайджи* ламы Эрдэни Дай мэргэн Нансо, который был передан в сокровищницу Казенного двора 2 ноября 1636 г. [Бобров, Орленко 2017: 129, 133, 134]. Готовятся к публикации статьи по сфероцилиндрическим «шапкам калмыцким» (ОР-2059, ОР-4645), а также сфероконическим и полусферическим наголовьям (ОР-4624–ОР-4627, ОР-4646–ОР-4649).

Доработка, эксплуатация и некоторые особенности хранения «шапок калмыцких» в собрании Оружейной палаты Московского Кремля

Анализ письменных материалов XVII в. позволяет сделать вывод, что присланные из Центральной Азии и Сибири шлемы дорабатывались местными московскими оружейниками. В частности, к «шапкам железным» крепились разноцветные суконные подшлемники («подшеломники»), шелковые (атласные, тафтяные) подбородочные ленты («лопасти»), во втулки вставлялись цветные флажки («прапоры», «прапорцы», «прапорчики»). Железные пластины «набивались» на тканевую основу бармиц (с внутренней стороны) и крепились к шлемам кожаными «ремнями» и «гвоздями» (см. ниже).

Пластинчато-нашивные бармицы с внутренним бронированием и матерчатой «покрышкой» не характерны для русских и, шире, восточноевропейских шлемов XVII в. Зато они типичны для позднесредневековых боевых наголовий монголоязычных кочевников Центральной Азии и Южной Сибири, в том числе и для ойратов [Бобров, Худяков 2008: 463–469]. Это позволяет предположить, что бармицы «шапок калмыцких», изготавливавшихся мастерами Оружейной палаты, могли, с большей или меньшей достоверностью, воспроизводить некоторые особенности конструкции и покроя бармиц ойратских шлемов. Данный процесс, вероятно, облегчался тем фактом, что некоторые наголовья, подаренные русскому царю ойратскими и монгольскими духовными и

светскими феодалами, сохранили оригинальные пластинчато-нашивные («куяшные») бармицы (см. выше), которые могли выступать в качестве образца для русских мастеров. Кроме того, не исключено, что при производстве подшлемников, подбородочных лент и плюмажей также учитывались их восточные прототипы.

При изготовлении бармиц московскими мастерами использовались пластины («доски железные», «полицы», «шапочные полицы») и заклепки («гвозди») центрально-азиатского и южносибирского производства, переданные из Сибирского Приказа, а также выкованные непосредственно в Оружейной палате. Так, например, при подготовке ко встрече персидских послов в 1675 г., среди прочих материалов, были приобретены 10 «листов железа белого», а также «20 колодок гвоздей луженых» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15369 (О покупке разных материалов... к змеинному делу на копья, стекла на глаза, тесьмы на поясы к крыльям и лопасти к крыльям... 13 янв. 1675 г.) Л. 1–2]. При этом особо сообщалось, что: «...железо белое и гвозди куплены к наушам к шапкам калмыцким», т. е. для изготовления пластинчато-нашивных бармиц [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15369 (О покупке разных материалов... к змеинному делу на копья, стекла на глаза, тесьмы на поясы к крыльям и лопасти к крыльям... 13 янв. 1675 г.) Л. 1–2].

В декабре 1673 г. было дано распоряжение «...о взятии из приказа Большого дворца в Оружейную палату ко сту шапкам калмыцким на наушники пятьдесят колодок гвоздей безденежно» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14792 (Память о взятии из приказ. Б. Дворца гвоздей к 100 шапкам калмыцким). Л. 1].

В описи 1687 г. упомянуты 86 «колмыцких» шлемов, снабженных пластинчато-нашивными бармицами с «покрышкой» из красного, зеленого и черного бархата: «Восемьдесят шесть шишаков колмыцких, сшивных, наушники белая железа обложены сверху бархатом червчатый и зеленым и черным, в том числе один шишак целной кованой задка и наушника и трубки нет, цена по десяти алтын» [Опись 1884: 38].

Что касается органических материалов для подшлемников, подбородочных лент

(«лопастей»), матерчатой основы бармиц и флажков, а также кожаных ремешков для крепления «наушков», то они в основном закупались централизованно, в том числе и в Оружейной палате. В преддверии масштабного военного смотра 1664 г. «закройщик Феоктист» «...пришивал лопасти отласные к шапкам калмыцким к выезду конюхом для государского смотру на Девичьем поле». Для этой цели ему были выделены «шолку алого шесть золотников». Параллельно кипела работа и над «прапорцами» к шлемам: «...живописцу Станиславу Лопуцкому сученово жолтово шолку два золотника. Шил тридцать прапорцов тафтяных³⁰ и писал по золоту красками х калмыцким шапкам» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 951 (Приходные и расходные книги волооченному золоту и серебру, шелку краскам и другим припасам...1659–1676 гг. Л. 31–31 об.)].

Централизованное изготовление 60 «прапорцов» к «шапкам калмыцким» было предпринято и накануне приезда персидских послов в 1674 г.: «...головы московских стрельцов Иванова приказу Полтева двум человекам стрельцам Панкрашке Иванову з братом с Ваською на шесть золотников шолку по четыре деньги на золотник. Итого четыре алтына... А по указу великого государя тем шелком шить им велено шездесят прапорцов х колмыцким шапкам для выезду послов» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 49478 (О покупке ткани к 60 прапорцам к шапкам калмыцким). Л. 1].

В 1675 г. особое внимание было уделено креплению на шлемы элементов бармиц: «Того ж дни сабельного дела отставленному придельщику Федьке Мартынову на ремень сыромятное шесть денег. Теми ремнями велено ему прибавать к шапкам калмыцким наушники к выезду персидских послов» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15378 (О прибавке наушков ремнями к шапкам калмыцким к выезду персидских послов). 1 л.].

Не менее показательны действия, предпринятые ответственными лицами для

³⁰ Тафта (фр. *taffetas*, итал. *taffeta*, от перс. — скрученный, свитый, сотканый) — разновидность глянцевого плотной тонкой ткани полотняного переплетения из туго скрученных шелковых или хлопковых нитей. Для тафты характерны жёсткость, плотность и ломкость складок.

оформления «шапок калмыцких» людей «конюшенного чину» в преддверии визита голландских дипломатов в 1676 г. Так, в частности, для этой цели в Оружейной палате были закуплены «ремни» и «гвозди»: «...а теми ремнями и гвоздями велено укрепить наушки к шапкам калмыцких для встречи галанских послов» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15706 (О покупке в Оружейную палату ... разных товаров). Л. 27]. Кроме того, для «...сделании лопастей и прапорчиков к шапкам калмыцким и к шишакам к выезду галанских послов», а также для изготовления бармиц были даны дополнительные распоряжения: «О покупке тафты на лопасти и прапорцы и проволоки (насаживать прапорцы) и белого железа на наушки к шапкам калмыцким для выезда галанских послов конюшенного чину» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15706 (О покупке в Оружейную палату ... разных товаров). Л. 39–43]. Объем закупок был достаточно внушителен. Предполагалось одновременно изготовить «прапорцов» и «лопастей» на 60 и 92 калмыцкие «шапки» соответственно [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 49474 (О покупке шолку для лопастей к 92-м калмыцким шапкам). Л. 1; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 49478 (О покупке ткани к 60 прапорцам к шапкам калмыцким для выезда послов). Л. 1].

Таким образом, письменные материалы свидетельствуют, что в середине 60–70-х гг. XVII в. мастера Оружейной палаты активно дорабатывали «шапки калмыцкие», снабжая их пластинчато-нашивными бармицами («наушками»), подшлемниками, плюмажами и подбородочными лентами. Велись и определенные ремонтные работы. Однако сведения об изготовлении московскими мастерами самих «шапок калмыцких» (т. е. шлемов центральноазиатского образца), по аналогии с куклами, в известных нам материалах отсутствуют. По всей видимости, в Оружейной палате к этому времени уже было собрано достаточное количество оригинальных центральноазиатских и южносибирских наголовий, полученных в качестве дипломатических подарков, ясака и др.

При прочтении сведений о масштабных и весьма затратных мероприятиях по доработке «шапок калмыцких», хранящихся в Оружейной палате, возникает закономерный вопрос: для каких целей велись данные работы? Рискнем предположить, что дан-

ный феномен был связан не только с общим ростом интереса московской знати к европейской и азиатской оружейной экзотике, но и являлся отображением более масштабных процессов, связанных с изменением характера российско-калмыцких отношений в середине XVII в.

Если в первой половине столетия русские цари и калмыцкие *тайши* активно боролись за контроль над племенами некогда «тьмачисленных» ногаев, то, начиная со второй половины 40-х гг. XVII в., калмыки постепенно вовлекаются в политическую орбиту Российского государства. В условиях нарастания напряжения в отношениях с Крымским ханством и подвластными ему ногаями Москва начинает рассматривать калмыков как ценных союзников в борьбе с тюркскими кочевниками региона. В свою очередь, калмыки получают возможность проведения экспансионистской политики в отношении ногаев не как конкуренты, а как союзники Русской короны, что делает их пребывание в регионе более комфортным [Бобров, Рюмшин 2015: 359–363].

В исторической перспективе важным этапом интеграции калмыков в состав Российского государства стала Русско-Польская война на Украине (1654–1667 гг.), в ходе которой царским армиям противостояли не только польские и казацкие войска, но и татарско-ногайская конница Крымского ханства. Для эффективной борьбы с кочевниками нужны были другие номады, способные вести перманентную войну на степном театре боевых действий, оттягивая на себя внимание крымско-татарских армий. В условиях войны с Крымом лояльность тюркоязычных подданных-мусульман (башкир, татар, ногаев) вызывала у российских властей определенные сомнения. А вот монголоязычные ойраты-буддисты идеально подходили для данной задачи. В ходе переговоров в 1650 и 1655 гг. калмыки дали *шерти* (присяги, клятвы), в которых отказывались от ведения агрессивных войн в отношении российских подданных и оговаривали варианты военно-политического сотрудничества. Уже в конце 1655 и в начале 1656 гг. калмыки впервые появились на театре боевых действий, не на шутку встревожив власти Крыма, не без основания опасавшиеся воинственных пришельцев с Востока.

В 1659–1661 гг. ойраты подвергли разгрому ногайские улусы, кочевавшие под Азовом, Темрюком, Тарками и Эндиреем. Начиная с осени 1661 и до весны 1663 гг. объектом разорительных набегов калмыков стали уже непосредственно земли крымско-татарской метрополии. Весной 1663 г. ойраты дважды разбили ханские войска в полевых сражениях, причем во второй раз «...топтали их до самой Перекопи». После этого последовали победы под Цыбульником, на р. Омельничек и р. Колончак. В течение лета – зимы 1663 г. калмыки пять раз (самостоятельно и вместе с запорожцами) атаковали Крым, причем во время одного из боев в плен чуть не попал крымский хан Мухаммед-Гирей. В 1664–1665 гг. ойраты вели активные боевые действия на территории Левобережной и Правобережной Украины, у Перекопа, под Азовом и на Северном Кавказе. В битве под Белой Церковью 21 мая 1665 г. — последнем большом сражении Русско-Польской войны, массированная атака калмыцкой конницы (около 7 тыс. чел.), поддержанная казаками и русскими ратниками, принесла победу царской армии. Испуганные размахом «калмыцкой войны» власти Крыма были вынуждены резко сократить военную активность на украинском театре боевых действий, что существенно облегчило положение русских войск. В Москве боевые успехи калмыков вызвали неподдельный восторг. Ойратских аристократов буквально засыпали разнообразными подарками — от традиционных собольих шуб и английского сукна до жеребцов «немецкой породы», «золоченых» немецких пистолетов и доспехов европейского образца [Тепкеев 2012: 291–331; Бобров 2014: 47–63; Бобров, Рюмшин 2015: 361–363].

Применительно к теме нашего исследования особое значение имеет тот факт, что вовлечение калмыков в Русско-Польскую войну совпадает по времени с началом интенсивной концентрации в Оружейной палате «шапок калмыцких», которые свозятся в столицу из Сибири. В это же время организуется масштабная деятельность по доработке и оформлению уже имеющихся и вновь поступающих «шапок калмыцких». Под впечатлением от военных успехов ойратской конницы при царском дворе даже возникает своеобразная «мода» на калмыков. Уже в 1662 г. на работу в Оружейную палату был принят «колмычанин

куяшной и бахтерцовой мастер Ятам Телмек³¹», привезенный в Москву башкирами и просивший царя Алексея Михайловича выделить ему «...двор для своего государева дела, и учеников дать, и кузницу построить, и делать куюки» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8026 (Челобитная колмыченина Ананья Тимбекова о позволении ему построить кузницу и даче ему учеников для государева Куячного дела). Л. 1–3].

Интересно, что это событие непосредственно предшествует началу массового производства в Оружейной палате ранее в целом не характерных для русского защитного вооружения пластинчато-нашивных доспехов (куяков) ориентального образца. Уже в 1663 г. поступает царский указ на изготовление первой партии из десяти куюков, крытых цветным бархатом. В последующие годы в Оружейной палате были изготовлены десятки и сотни куюков, которые выдавались служилым людям во время торжественных приемов иностранных послов. К работе над изготовлением куюков привлекались как русские мастера, так и принявшие православие европейцы (например, «немчин» Назарий Степанов). Определенный интерес придворных оружейников вызвало и наступательное оружие ойратов. В том же 1663 г., в самый разгар успешных военных действий калмыков против Крымского ханства, придворный мастер Кузьма Плотников преподнес царю Алексею Михайловичу сделанное им «Копье калмыцкое из красного железа по местам золочено» [Орленко 2012: 450].

Таким образом, начало производства куюков и других условно «калмыцких» предметов вооружения шло параллельно с описанными выше мероприятиями по изготовлению «прапорцев», подшлемников и «лопастей» к «шапкам калмыцким», доставленным из Сибири и Центральной Азии. Если в первой половине XVII в. процесс формирования группы центральноазиатского защитного вооружения в царских хранилищах носил естественный характер (дипломатические подарки ойратских и монголь-

³¹ Другие варианты написания имени: Ананья Тимбеков, Анай Телмек, Ятан Тенбеков. В крещении — Петр Богданов. Подробнее о данном мастере и производстве куюков в Оружейной Палате XVII в. будет рассказано в специальной работе.

ских светских и духовных феодалов), то во второй половине столетия российские власти начали целенаправленно наращивать количество шлемов и корпусных доспехов «ойратского образца». Это, в частности, проявилось, в царских указах присылать в Москву из Кузнецка шлемы, изготовленные местными мастерами, в передаче скопившихся сибирских, ойратских и монгольских доспехов из Сибирского Приказа в Оружейную палату, а также в начале масштабных работ по изготовлению в столичных мастерских защитного вооружения центральноазиатского образца (пластинчато-нашивных бармиц к «шапкам калмыцким» и куяков).

Формальной причиной данных мероприятий был готовящийся смотр царских войск на Девичьем поле³², запланированный на конец января – начало февраля 1664 г. Смотр предшествовал торжественной встрече большого английского посольства Говарда Карлайла (1629–1685). В рамках этих событий русские придворные (стрельные, сокольники, конюшие) должны были впервые массово надеть «шапки калмыцкие», облачиться в куяки центральноазиатского образца, надеть калмыцкие «зарукавья» и наручи.

В «Росписи оружия и знамен, выданных из Оружейной палаты для государева смотра 1664 г. и встречи посла» содержится указание на распоряжение «...об отпуске в Конюшенный приказ трех шапок калмыцких с прапоры, и с наушки, и с лопасти отласными и тафтяными, а так же сокольникам 57 шапок калмыцких и 57 подшлемников суконных розными цветы с прапорцы и с лопасти отласными розными цветы. Еще 20 калмыцких шапок в конюшенный приказ» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8901 (Роспись оружия и знамен, выданных из Оружейной палаты для государева смотра 1664 г. и встречи посла). Л. 14–16].

Дьяку Тимофею Маркову, кроме «шапки Государевой булатной наводной», были вручены восемь «...шапок калмыцких и в том числе одна наводная серебром да шапка мисюрка». Особо оговаривалось наличие «шапок калмыцких» с бармицами, «прапорами» и атласными подбородочными завязками у пяти «Столповых прикащиков»: «Луяну [Лукияну — прим. авт. — Л. Б.,

С. О.] Оболдуеву, Василию Телешову, Замятне Маркову, Федору Кроткому, Ивану Брехову по шапке калмыцкой с прапоры, и с наушки, и с лопасти с отласными и с тафтяными...» [Древности 1865: 119, 120; Опись 1884: 54]. Первые четверо «прикащиков» в «шапках калмыцких» должны были быть облачены в «юмшаны [на которых] насекиваны золотом и серебром арабские слова»³³ и двигаться непосредственно «У Государевых саней у лошадей» [Древности 1865: 115]. Пятый носитель «шапки калмыцкой» — Иван Брехов, одетый в кольчатый «пансырь», размещался «у санников» [Древности 1865: 115].

Если задумка строителей была реализована в полной мере, то на Девичье поле зимой 1664 г. выехали и вышли около ста русских придворных в богато оформленных «шапках калмыцких». Царские конюшие ехали в блестящих³⁴ шлемах центральноазиатского и южносибирского производства, снабженных пластинчато-нашивными бармицами, крытыми цветными шелковыми «покрышками». На поверхности наушников и назатыльников бармиц блестели ряды головок металлических заклепок. Шлемы были снабжены цветными суконными подшлемниками³⁵, подбородочными

³³ Т. е. юмшаны — западноазиатские кольчато-пластинчатые доспехи.

³⁴ Согласно документу «О выдаче жалованья мастерам Оружейной палаты» 1664 г., в преддверии смотра на Девичьем поле 13 человек на протяжении двух дней «чистили» упомянутые «калмыцкие» шлемы: «Приказа Ствольного дела кузнецы Левка Митрофанов с тов. 13 чел... два дня по 8 денег на день чистили 91 шапку калмыцкую, которая были на государском смотре на конюхах...» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1 Д. 8893 (О выдаче Оружейной палаты разных дел мастеровым людям и их ученикам государева жалования). Л. 143].

³⁵ Цвета подшлемников на смотре 1664 г. в настоящее время не установлены, однако известно, что одна из «шапок калмыцких», хранившихся в Оружейной Палате, была снабжена «подкладкой кумашной», т. е. имела красный цвет [Опись 1884: 36]. Анализ изображений рисунков Ф. Г. Солнцева свидетельствует, что стеганные подшлемники красного, малинового, бордового и розового цвета были типичным элементом оформления наголовий, хранящихся в Оружейной Палате [Броня 2015: 8, 11, 13, 15, 18].

³² Историческое место в Москве, в излучине Москвы-реки у Девичьего монастыря.

«лопастями» из алого атласа, а в их втулках трепетали желтые шелковые флажки-«прапорцы», расписанные золотой краской.

Десять сокольников, охранявших сани, в которых ехал царь Алексей Михайлович, были одеты в крытые черным, красным и зеленым бархатом куяки центральноазиатского образца и держали в руках «мечи Немецкие». Другие воины были облачены в более простые куяки, крытые красным сукном. Иван Стуколов нес охрану царских саней с тремя «товарищи» «в зарукавьях калмыцких да в наручах». Двое стременных выступали в «... пансырях да в калмыцких зарукавьях». Носившие на смотре «шапки калмыцкие» 57 сокольников, двигавшиеся за царскими саями, были оснащены кольчатыми «пансырями» со «шнурки шолковыми» и наручами, а отборные «Столповые прикащики» — кольчато-пластинчатыми *юшманами*, пластины которых были украшены арабской вязью, выполненной в технике золотой и серебряной насечки [Древности 1865: 115, 116, 118, 120].

Таким образом, во время мероприятий на Девичьем поле русский царь Алексей Михайлович передвигался в окружении придворных, облаченных преимущественно в ориентальные доспехи и шлемы, типичные для ойратской знати («шапки калмыцкие», куяки, кольчатые «пансыри», «калмыцкие зарукавья», наручи). Учитывая, что облачение участников царской свиты продумывалось, согласовывалось, изготавливалось и дорабатывалось задолго до указанного события, подобный выбор устроителей смотра вряд ли можно считать случайным.

Как уже отмечалось выше, резкий рост интереса к вооружению ойратского образца проходил на фоне крайне успешных действий калмыков против войск Крымского ханства (а затем и Речи Посполитой) во время Русско-Польской войны на Украине. Это дает основание предположить, что выезд десятков русских придворных в экзотичных ойратских шлемах и куяках на Девичье поле во время царского смотра 1664 г., вероятно, преследовал цель не только поразить зрителей, но и символически отобразить вовлечение воинственных и победоносных калмыков в политическую орбиту Московского государства.

Опыт, вероятно, был признан успешным, так как в последующие годы масшта-

бы производства и использования вооружения «калмыцкого образца» лишь увеличились.³⁶ Данные факты позволяют говорить о появлении в работе мастеров Оружейной палаты 60–70-х гг. XVII в. выраженного ориентального тренда, проявившегося в первую очередь в изготовлении защитного вооружения, имитировавшего ойратскую и, шире, центральноазиатскую, восточную паноплию.

Отметим, что дооформленные ойратские, монгольские и южносибирские шлемы и панцири, а также изготовленные по ориентальным образцам куяки обычно не передавались в действующие войска, а использовались в основном в качестве парадных доспехов во время различных торжественных церемоний. При этом некоторые экземпляры указанного защитного вооружения могли включаться в состав дипломатических подарков и «государева жалованья». Интересно, что адресатом подобных даров могли выступать и представители калмыцкой аристократии.³⁷

Рассмотрев процесс формирования группы «шапок калмыцких» в Оружейной палате, а также их доработки и эксплуатации в 60–70-х гг. XVII в., необходимо отметить некоторые особенности их хранения в более поздние исторические периоды.

Активное использование шлемов в различных торжественных мероприятиях, а также, возможно, не слишком бережное их хранение, привело к тому, что уже в 1687 г. некоторые из них были «ветчаны гораздо» [Опись 1884: 36, 37]. Со временем терялись съемные или недостаточно надежно закрепленные элементы, в первую очередь фраг-

³⁶ Вплоть до второй половины 70-х гг. XVII в. служилые люди, снабженные ориентальным защитным вооружением, продолжали принимать активное участие во встречах иностранных дипломатов. Так, в частности, они присутствовали при въезде шведского посланника в 1674 г., персидских послов в 1675 г., голландских дипломатов в 1676 г. и др.

³⁷ Так, например, в 1674 г. два куяка были отправлены знаменитому тайше (впоследствии хану) Аюке и его брату Замсе: «... послано великого государя жалованья к тайшам по их запросам. — К Аюкаю-тайше погребец с водкою да куяк да 2 кречета, к брату ево Замсе большому куяк да к брату ж ево Замсе меньшому кречет» [Посольские книги 2003: 96, 100].

менты бармиц, подшлемники, подбородочные ленты, плюмажи, а также составные части наверхий [Опись 1884: 36, 37].³⁸

Однако самым грозным испытанием для «шапок калмыцких» стал печально знаменитый пожар 1737 г., в ходе которого шлемы сильно «погорели» [Опись 1884: 36, 37]. По мнению Л. П. Яковлева, именно тогда «шапки калмыцкие» лишились своих органических элементов: «В настоящее время наушников и бархата нет; их уничтожил пожар 1737 года; в котором эти шишаки обгорели; невозможность отчистить нагар и желание предохранить от ржавчины, вероятно, были причиною того, что некоторые из шишаков, окрашены черною масляною краскою; когда произведена эта окраска, из дел Архива не видно» [Опись 1884: 38, 39].

Часть шлемов серии в разное время становились объектом ремонтных и реставрационных работ. На поверхностях пластин и обручей наголовий фиксируются железные «заплатки». Некоторые отверстия, предназначавшиеся для крепления бармиц, наглухо забиты металлическими заклепками. Не исключено, что массивное цельное воронковидное навершие шлема ОР-4649 было добавлено уже после завершения его эксплуатации в качестве боевого и парадного наголовья.

В настоящее время в отверстия на обрубке трех шлемов серии (ОР-2059, ОР-4647, ОР-4648) вставлены металлические петли, через которые пропущена железная проволока. К последней подвешены кольчатые бармицы различных видов покроя. Необходимо отметить, что ни на рисунке Ф. Г. Солнцева, ни в материалах описей Оружейной палаты XVII–XIX вв., ни на фотографиях конца XIX в. кольчатые бармицы на «шапках калмыцких» не фиксируются. Однако они уже присутствовали на шлемах в начале 2000-х гг., когда наголовье было впервые осмотрено одним из авторов настоящей статьи. Это позволяет предположить, что кольчатые бармицы были подвешены к шлемам в самом конце XIX–XX вв. Нет оснований полагать, что они могли входить в первоначальную комплектацию рассматриваемых «шапок калмыцких».

³⁸ Описи Оружейной палаты конца XVII–XIX вв. позволяют проследить состояние и комплектность шлемов на протяжении почти 200-летнего периода.

Значительный интерес представляет тот факт, что за время хранения количество «шапок калмыцких» в собрании Оружейной палаты уменьшилось почти в десять раз. Произошло это еще до последней трети XIX в., так как все перечисленные в 1884 г. Л. П. Яковлевым «шапки калмыцкие» присутствуют в фондах ММК в настоящее время. На наш взгляд, данный феномен обусловлен рядом причин. Возможно, что часть наголовий, которые в XVII в. атрибутировались как «калмыцкие», по факту таковыми не являлись и в настоящее время числятся среди других категорий шлемов. Некоторая часть «шапок калмыцких» могла погибнуть во время пожара 1737 г. и (или) была списана из собрания после него. Наконец, часть шлемов могла быть передана в другие хранилища, частные и музейные собрания. Так, например, некоторые центральноазиатские шлемы, входившие в состав собрания князей Шереметьевых, а в настоящее время хранящиеся в фондах Государственного Эрмитажа, возможно, происходят именно из собрания Оружейной палаты [Ленц 1895: табл. V, рис. 171, 172].³⁹ Однако данный вопрос требует дополнительного изучения.

Выводы

На основании комплексного анализа письменных и вещественных источников выделены основные этапы формирования группы «шапок калмыцких» в собрании Оружейной палаты Московского Кремля, уточнен состав шлемов серии, выявлены некоторые особенности их эксплуатации и хранения на протяжении XVII–XX вв.

Установлено, что первые шлемы центральноазиатского и южносибирского производства, которые впоследствии стали именоваться в описях «шапками (шишаками) калмыцкими», начали поступать в Оружейную палату еще в первой половине XVII в. Данный процесс был обусловлен

³⁹ П. В. Шереметьев Большой состоял в чине оружничьего и с 1683 г. и до самой своей смерти в 1690 г. возглавлял Оружейную Палату и придворные ювелирные мастерские. Среди предметов собрания С. Д. Шереметьева легко узнаются оружие и доспехи, выкованные мастерами Оружейной палаты, а также вещи, массово изготовлявшиеся в придворной оружейной мастерской для использования в парадно-церемониальных мероприятиях царского двора.

установлением дипломатических отношений Российского государства с монголоязычными народами Центральной Азии, в первую очередь хотогоятами Северо-Западной Монголии и ойратами (волжскими и «чакарскими» калмыками, джунгарами). Дипломатические подарки монгольских и ойратских правителей составили ядро группы «шапки калмыцкие» в собрании Оружейной палаты. Некоторые наголовья данной категории относились к комплексу вооружения высшей центральноазиатской знати и отличались богатым оформлением.

Вторая группа «шапок калмыцких» представляла собой шлемы южносибирского производства, полученные местными русскими властями от «кузнецких татар» (предков шорцев) в качестве ясака, в рамках торгового обмена и др. Это были более простые боевые наголовья, вероятно, аналогичные тем, что массово передавались «кузнецкими татарами» ойратским воинам в качестве *алмана* (дани) и в обмен на скот. Наконец, третьим источником формирования рассматриваемой группы шлемов в Оружейной палате стали «шапки калмыцкие» из частных arsenалов русской аристократии XVII в.

Анализ русской служебной документации свидетельствует, что во второй половине XVII в. в Оружейной палате хранились несколько десятков (в отдельные периоды, вероятно, более сотни) «шапок калмыцких». Таким образом, они представляли собой одну из самых многочисленных категорий шлемов, находившихся на тот момент в этом царском хранилище.

На основании особенностей происхождения все условно «калмыцкие» наголовья, находящиеся в настоящее время в фондах Музеев Московского Кремля, можно условно разделить на три основные группы. В состав первой группы входят шлемы, изготовленные ойратскими или южносибирскими мастерами. В состав второй — наголовья ойратского или монгольского производства, преподнесенные в дар русскому царю представителями центральноазиатской аристократии. Третья группа представлена шлемами, ошибочно атрибутированными в прошлом как «калмыцкие», но в реальности выполненные оружейниками, проживавшими за пределами основного ареала обитания монголоязычных nomадов.

По материалу изготовления все «шапки калмыцкие», входящие в состав первой и второй групп (т. е. изготовленные ойратскими, монгольскими и южносибирскими мастерами), относятся к классу железных, по конструкции тульи — к отделу клепанных. На основании формы купола выделяются четыре типа шлемов: цилиндроконические, сфероцилиндрические, сфероконические и полусферические. На протяжении второй половины XVII — XIX вв. рассматриваемые наголовья дополнялись различными конструктивными элементами (бармицами, подшлемниками, наверхиями и т. д.), покрывались черной краской (после пожара 1737 г.), становились объектом реставрационных работ (часть заклепок на тулье шлемов заменены, к трем шлемам подвешены кольчатые бармицы). Однако проведенный осмотр, а также сопоставление шлемов с их описаниями XVII–XIX вв. и изображениями XIX в. показали, что интересующие нас «шапки калмыцкие» сохранили оригинальные пластины тульи и основные конструктивные элементы, присутствовавшие в их первоначальной комплектации, что позволяет провести их всесторонний типологический анализ. В то же время известные материалы опровергают распространенное мнение о тождественности «шапок калмыцких» и «шапок куюшных» («шапок бумажных»). Все наголовья, которые в настоящее время могут быть атрибутированы как «шапки калмыцкие», представляют собой клепаные железные шлемы. Сведения о том, что «шапки бумажные» учитывались в XVII в. в числе «шапок калмыцких», пока не обнаружены. Отсутствуют данные и об изготовлении «шапок калмыцких» в мастерских Оружейной палаты (по аналогии с куюками, которые производились в Москве по ориентальным образцам). Таким образом, все известные шлемы рассматриваемой серии представлены изделиями иностранных оружейников.

Значительный интерес представляют сведения о доработке и использовании «шапок калмыцких» в ходе различных дворцовых церемоний. Установлено, что во второй половине XVII в. в Оружейную палату начинают целенаправленно свозить шлемы центральноазиатского и южносибирского производства, хранившиеся в Сибирском Приказе, арсеналах сибирских городов (на-

пример, в г. Кузнецке). Присланные шлемы дорабатываются местными мастерами. В частности, к «шапкам калмыцким» добавляются пластинчато-нашивные бармицы центральноазиатского образца, разноцветные суконные подшлемники («подшеломники»), шелковые (атласные, тафтяные) подбородачные ленты («лопасти»), во втулки вставляются цветные флажки («прапоры», «прапорцы», «прапорчики»).

Параллельно с этим в Оружейной палате начинает работать калмыцкий «куяшной и бахтерцовой мастер», организуется массовое производство типичных для ойратов пластинчато-нашивных доспехов (куяков). Во время грандиозного смотра российских войск на Девичьем поле зимой 1662 г. до сотни русских служилых людей из числа царских сокольников и конюших выезжают в богато оформленных «шапках калмыцких». Сопровождающие царские сани телохранители шествуют в куюках, в «калмыцких зарукавьях» и наручах. Данный опыт, вероятно, был признан успешным, так как в дальнейшем царские придворные

продолжают встречать иностранных дипломатов, будучи облаченными в куюки и «шапки калмыцкие».

Повышенное внимание к ойратскому защитному вооружению во второй половине 50–70-х гг. XVII в. было, вероятно, обусловлено не только общим ростом интереса московской знати к европейской и азиатской оружейной экзотике, но и началом широкого участия калмыков в военных предприятиях Российского государства. Так, например, упомянутый выше смотр на Девичьем поле 1664 г. проходил на фоне крайне успешных военных действий калмыков против войск Крымского ханства во время Русско-Польской войны 1654–1667 гг. Это дает основание предположить, что выезды десятков русских воинов в ойратских шлемах и куюках во время царских смотров и встреч иностранных послов, вероятно, преследовали цель не только поразить зрителей, но и символически отобразить вовлечение воинственных и победоносных калмыков в политическую орбиту Московского государства.

Источники

- ДАИ 1867 — Дополнение к актам историческим. Т. 10. СПб.: Прац, 1867. 506 с.
- Древности 1853 — Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I. Отд. III: Броня, оружие, кареты и конская сбруя / рис. Ак. Ф. Солнцевым. М.: Тип. Александра Семена, 1853. 152 с.
- Древности 1865 — Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. Русские старинные знамена. М.: Синодальная тип., 1865. 353 с.
- Материалы 1959 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. М.: Вост. лит., 1959. 352 с.
- Материалы 1996 — Материалы по истории русско-монгольских отношений 1654–1685. М.: Вост. лит., 1996. 560 с.
- Обозрение 1900 — Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным. Составил Н. Н. Оглоблин. М.: Университетская тип., Страстной бульвар, 1900. 394 с.
- Опись 1884 — Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2: Броня [сост. Л. П. Яковлевым]. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1884. 312 с.

Опись 2014 — Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2014. 192 с.

Посольские книги 2003 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 316 с.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Архив Московской Оружейной палаты).

Рисунки 1884 — Рисунки к Описи Московской Оружейной палаты. М.: [б. и.], 1884. 500 с.

Сборник 1879 — Сборник князя Хилкова. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1879. 580 с.

Литература

- Бобров 2014 — Бобров Л. А. «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661 – январь 1663 г.) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 239–249.
- Бобров, Орленко 2017 — Бобров Л. А., Орленко С. П. Монгольский шлем конца XVI – первой трети XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля // Археоло-

- логия, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4. С. 127–135.
- Бобров, Рюмшин 2015 — *Бобров Л. А., Рюмшин М. А.* «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // *Золотоордынская цивилизация*. 2015. № 8. С. 357–378.
- Бобров, Худяков 2003 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI – начала XVIII в. // *Древности Алтая*. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т; Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова. 2003. № 11. С. 138–155.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Броня 2015 — Броня, оружие, кареты и конская сбруя. Рисунки Ф. Солнцева. СПб.: Белый город, Воскресный день, 2015. 146 с.
- Вельтман 1844 — *Вельтман А. Ф.* Московская Оружейная палата. М.: Тип. И. Степанова, 1844. 540 с.
- Вельтман 1860 — *Вельтман А. Ф.* Московская Оружейная палата. Второе, вновь составленное, издание. М.: Тип. Бахметева, 1860. 288 с.
- Горелик 1979 — *Горелик М. В.* Средневековый монгольский доспех // Третий международный конгресс монголоведов. Улан-Батор: [б. и.], 1979. С. 76–97.
- Горелик 1983 — *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины*. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.
- Горелик 1987 — *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV вв.) // *Археология, этнография и антропология Монголии*. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.
- Горелик 2002 — *Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Военское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Вост. горизонт», 2002. 84 с.
- Историческое описание 2008 — *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 1. М.: Куликово поле, 2008. 168 с.
- Ленц 1895 — *Ленц Э.* Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметьева. СПб.: [б. и.], 1895. 223 с.
- Орленко 2012 — *Орленко С. П.* К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени // *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. СПб.: Изд-во ВИМАИВиВС, 2012. С. 441–456.
- Потапов 1936 — *Потапов Л. П.* Очерки по истории Шории // *Труды Института востоковедения АН СССР*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. № 15. 260 с.
- Потапов 1953 — *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.
- Савваитов 1865 — *Савваитов П. И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей Архива Московской Оружейной палаты. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. 350 с.
- Тепкеев 2012 — *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2012. 376 с.
- Токарев 1936 — *Токарев С. А.* Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1936. 217 с.
- Шиндлер 2016 — *Шиндлер О. В.* Русские шлемы XVI века [электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. 10.05.2016. Т. VIII. С. 167–219. URL: http://www.milhist.info/2016/05/10/schindler_3 (дата обращения: 10.11.2019).
- Шиндлер 2018 — *Шиндлер О. В.* К вопросу о правомерности использования термина «шишак» в XVI веке, его происхождении и развенчании одного устаревшего мифа [электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. 24.09.2018. Т. X. С. 163–187. URL: http://www.milhist.info/2018/09/24/schindler_6 (дата обращения: 10.11.2019).
- Ширин 2018 — *Ширин Ю. В.* Археологическое изучение Кузнецка // *Кузнецкая старина*. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк: Изд-во Томск. ун-та, 2018. С. 27–78.
- Bobrov et al. 2017 — *Bobrov L. A., Zaytsev V. P., Orlenko S. P., Salnikov A. V.* The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin (= Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х – середины 30-х гг. XVII в. из собрания

- Оружейной палаты Московского Кремля) // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1140–1173.
- Bobrov, Obraztsov, Salnikov 2019 — *Bobrov L., Obraztsov V., Salnikov A.* Oirat helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the State Hermitage Museum (= Ойратский шлем второй половины XVII – середины XVIII вв. из Государственного Эрмитажа) // Былые годы. 2019. Т. 51. № 1. С. 5–19.
- LaRocca 2006 — *LaRocca D. J.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet (= Воины Гималаев. Заново открываем оружие и доспехи Тибета). New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p.
- Martyushov, Shirin 2018 — *Martyushov R. A., Shirin Y. V.* Difficulties Interpreting of Written and Archaeological Sources of Information of Ferrous Metallurgy of the Kuznetsk Tatars (= Проблемы интерпретации письменных и археологических источников о черной металлургии у кузнецких татар) // Былые годы, 2018, № 49. Вып. 3. С. 915–930.
- Tsursumia 2011 — *Tsursumia M.* The Helmet from the Wawel Royal Museum and its Place in the Evolution of Oriental Helmet (= Шлем из Королевского музея Вавеля и его место в эволюции восточных шлемов) // *Acta Militaria Mediaevalia*. 2011. Vol. VII. S. 79–103.
- Vodyasov 2016 — *Vodyasov E. V.* Kondoma Tatars and the Bloomery Process (source: the Great Northern Expedition) (= Сыродутный способ получения железа у кузнецких татар (по материалам Великой Северной Экспедиции)) // Былые годы. 2016. Вып. 2. С. 335–344.

Sources

- Russian State Archive of Ancient Acts. Coll. 396 (Archive of the Kremlin Armoury).
- [Additions to Historical Acts]. St. Petersburg: Pratz, 1867. Vol. 10. 506 p. (In Russ.)
- [Antiquities of the Tsardom of Russia: Published by Supreme Order of Emperor Nicholas I]. Vol. III: Body Armor, Weapons, Carriages, and Horse Tack. Acad. F. Solntsev (drawings). Moscow: A. Semen, 1853. 152 p. (In Russ.)
- [Antiquities of the Tsardom of Russia]. Supplement to vol. III: Old Russian Banners. Moscow: Synodal Printing House, 1865. 353 p. (In Russ.)
- [Collection of Prince Khilkov]. St. Petersburg: Panteleev Brothers, 1879. 580 p. (In Russ.)
- [Department (Prikaz) of Siberia: Collected Documents (Stolbtsy) and Books (Records) Revisited, 1592–1768]. Vol. 3: Correspondence (Documents) between the Headquarters and the Siberian Office. N. Ogloblin (comp.). Moscow: Imperial Moscow University, 1900. 394 p. (In Russ.)
- [Russian-Kalmyk Relations, 1672–1675: Ambassadorial Books (Records)]. Elista: Dzhangar, 2003. 316 p. (In Russ.)
- [Russian-Mongolian Relations, 1607–1636: Historical Materials]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 352 p. (In Russ.)
- [Russian-Mongolian Relations, 1654–1685: Historical Materials]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 560 p. (In Russ.)
- [The Kremlin Armoury: Inventory Catalogue]. Supplement: Drawings. Moscow, 1884. 500 p. (In Russ.)
- [The Kremlin Armoury: Inventory Catalogue]. Vol. 3. Book 2: Body Armor. L. P. Yakovlev (comp.). Moscow: Society for the Distribution of Useful Books, 1884. 312 p. (In Russ.)
- [Treasury of the Tsardom of Russia: 1640 Inventory Catalogue of the Treasury Yard (Dvor)]. Moscow: Moscow Kremlin Museums, 2014. 192 p. (In Russ.)

References

- [Body Armor, Weapons, Carriages, and Horse Harness]. F. Solntsev (drawings). St. Petersburg: Belyi Gorod, Voskresnyi Den, 2015. 146 p. (In Russ.)
- [Garments and Weapons of Russian Troops: Historical Description]. Vol. 1. Moscow: Kulikovo Pole, 2008. 168 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. 'A flock of crows' over the Crimea. Tatar and Kalmyk confrontation in the northern Black Sea steppes (September 1661 – January 1663). *Medieval Turkic-Tatar States*. 2014. Vol. 6. Pp. 239–249. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. [Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Medieval and Modern Age (15th – Mid-18th Centuries): Weaponry and Tactics]. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Mongolia and Kalmykia: military headgears, mid-16th – early 18th centuries. In: [Antiquities of the Altai]. Vol. 11. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University; Surazakov Institute for Altaic Studies, 2003. Pp. 138–155. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Orlenko S. P. A late 16th to early 17th century Mongolian ceremonial helmet from the Moscow Kremlin Armoury. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2017. No. 4. Pp. 127–135. (In Russ.)

- Bobrov L. A., Ryumshin M. A. '... *And against them, they could not withstand anywhere and they are not able to fight against them*'. Arms and military tactical aspect of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar wars during the first half – middle of the 17th century. *Golden Horde Civilization*. 2015. Vol. 8. Pp. 357–378. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Zaytsev V. P., Orlenko S. P., Salnikov A. V. The late Jurchen (early Manchu) helmet of the second half of the 1610s to the mid-1630s from the collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. No. 4. Pp. 1140–1173. (In Russ.)
- Bobrov L., Obratsov V., Salnikov A. Oirat helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the State Hermitage Museum. *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. No. 1. Pp. 5–19. (In Russ.)
- Gorelik M. V. [Armies of 10th-14th Century Mongols (Tatars): Art of War, Ammunition, Weaponry]. Moscow: Vostochnyi Gorizont, 2002. 84 p. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Early Mongolian body armor: 9th – mid-14th centuries. In: [Mongolia: Archaeology, Ethnography, Anthropology]. Novosibirsk: Nauka, 1987. Pp. 163–208. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Medieval Mongolian body armor. In: [The Third International Congress of Mongolists]. Cong. proc. Ulaanbaatar, 1979. Pp. 76–97. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Mongol (Tatar) defensive weapons: mid-14th – early 15th centuries. In: [The Battle of Kulikovo in Our National History and Culture]. Moscow: Moscow State University, 1983. Pp. 244–269. (In Russ.)
- LaRocca D. J. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p. (In Eng.)
- Lenz E. [Count S. Sheremetev's Collection of Weapons: Inventory Catalogue]. St. Petersburg, 1895. 223 p. (In Russ.)
- Martyushov R. A., Shirin Y. V. Difficulties interpreting of written and archaeological sources of information of ferrous metallurgy of the Kuznetsk Tatars. *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. No. 3. Pp. 915–930. (In Russ.)
- Orlenko S. P. Armored shops of the Tsardom of Russia: activities before and after the Smuta revisited. In: [War and Weaponry: New Studies and Materials]. St. Petersburg: Museum of Military History, 2012. Pp. 441–456. (In Russ.)
- Potapov L. P. [Shoria: Historical Essays]. In: [Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Transactions]. Vol. 15. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 260 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. [The Altaians: Historical Essays]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1953. 444 p. (In Russ.)
- Savvaitov P. I. [Description of Antique Royal Utensils, Garments, Weapons, Body Armors, and Horse Harness: Excerpts from Manuscripts Contained in Archives of the Kremlin Armoury (Moscow)]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1865. 350 p. (In Russ.)
- Shindler O. V. On the question of the legitimacy of using the term 'shishak' in the 16th century, its origin and the debunking of one outdated myth. *History of Military Affairs: Research and Sources*. Posted on September 24, 2018. Vol. X. Pp. 163–187. Available at: http://www.milhist.info/2018/09/24/schindler_6 (accessed: January 10, 2020). (In Russ.)
- Shindler O. V. Russian helmets of the 16th century. *History of Military Affairs: Research and Sources*. Posted on May 10, 2016. Vol. VIII. Pp. 167–219. Available at: http://www.milhist.info/2016/05/10/schindler_3 (accessed: January 10, 2020). (In Russ.)
- Shirin Yu. V. Archaeological studies of Kuznetsk. In: [Antiquities of Kuznetsk. Novokuznetsk: 400 in Russian History]. Tomsk; Novokuznetsk: Tomsk State University, 2018. Pp. 27–78. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. [Kalmyks in the Northern Caspian: 1630s–1690s]. Elista: Dzhangar, 2012. 376 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. [Pre-Capitalist Vestiges in Oirotia]. Leningrad: Nauka, 1936. 217 p. (In Russ.)
- Tsursumia M. The helmet from the Wawel Royal Museum and its place in the evolution of Oriental helmet. *Acta Militaria Mediaevalia*. 2011. Vol. VII. Pp. 79–103. (In Eng.)
- Veltman A. F. [The Kremlin Armoury (Moscow)]. 2nd ed., rev. Moscow: Bakhmetev, 1860. 288 p. (In Russ.)
- Veltman A. F. [The Kremlin Armoury (Moscow)]. Moscow: I. Stepanov, 1844. 540 p. (In Russ.)
- Vodyasov E. V. Kondoma Tatars and the bloomery process (source: the Great Northern Expedition). *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. No. 2. Pp. 335–344. (In Russ.)

